

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Бойцы. Очерки весеннего сплава
по реке Чусовой**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 208 с.

ISBN 978-5-519-95190-6

ISBN 978-5-519-95190-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

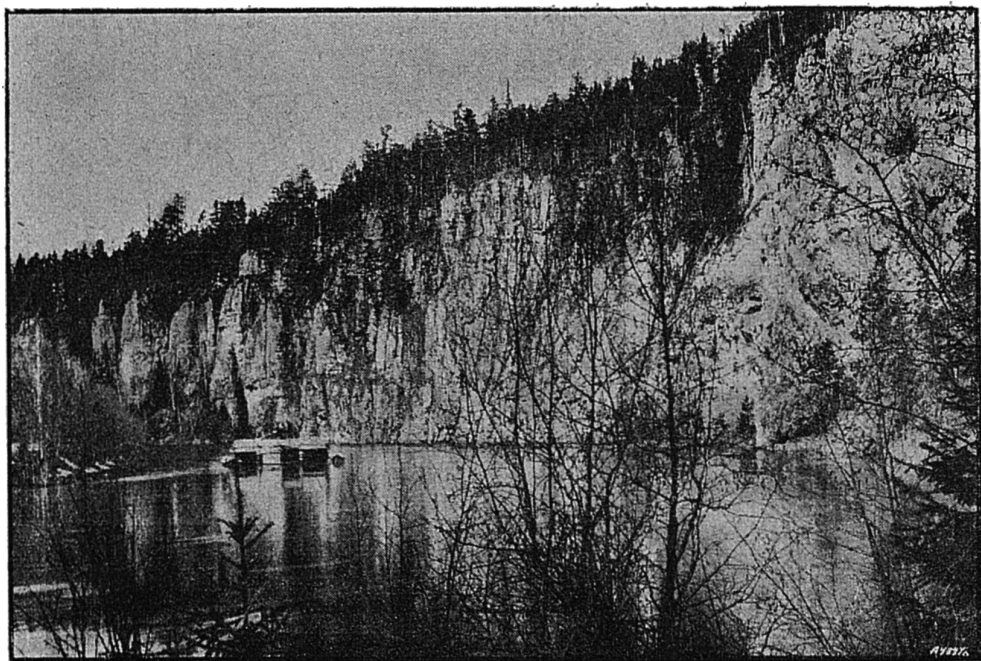
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сильно надулась и подняла свой синевато-грязный рыхлый ледъ, покрытый желтыми наледями и черными полыньями, точно онъ проржавѣлъ; любовался густымъ ельникомъ, который сейчасъ за

рѣкой, поднимался могучей зеленой щеткой и выстилалъ загораживавшія къ рѣкѣ дорогу горы. Въ логахъ еще лежалъ снѣгъ, точно извѣденный червями; по проталинамъ зеленѣла первая весенняя травка, но березы были еще совсѣмъ голы и печально свѣсили свои припухшія красноватыя вѣтви.

Каменка, одна изъ нижнихъ чусовскихъ пристаней, раскинула свои полтораста бревенчатыхъ избъ по крутому правому берегу, въ углу, который образовала съ Чусовой бойкая горная рѣчка Каменка. Моя комната была во второмъ этажѣ, и изъ окна открывался широкій видъ на рѣку и

собственно на пристань, т.-е. гавань, гдѣ строились и грузились барки, на шлюзъ, черезъ который барки выплывали въ Чусовую, лѣсопильню, пріютившуюся сейчасъ подъ угоромъ, на которомъ стоялъ домъ, гдѣ я остановился, и на красовавшуюся вдали двухъэтажную караванную контору, построенную на самомъ юру, на стрѣлкѣ между Каменкой и Чусовой. За рѣкой Каменкой, на низкомъ, отлогомъ берегу, приткнулась маленькая деревушка, точно она сейчасъ вылѣзла изъ воды своими двумя десятками избышекъ и теперь сушилась на солнечномъ пригрѣвѣ. Гавань устроена, вѣроятно, изъ островка или песчаной косы, которая образовалась въ самомъ устьѣ Каменки; нижняя часть этой косы была соединена съ крутымъ берегомъ, на которомъ раскинулась пристань широкой плотиной. Берега гавани сплошную обставлены деревянными магазинами для склада металловъ, строившимися и совсѣмъ готовыми барками; вездѣ валялись бревна, сложенные въ желтые квадраты, свѣжій тесъ, обломки сгнившихъ барокъ, кучи пакли, козла и платформы спущенныхъ въ гавань барокъ. Нѣсколько огней, около которыхъ варили смолу для барокъ, дополняли картину. Весь берегъ былъ залитъ народомъ, который толпился, главнымъ образомъ, около караванной конторы и магазиновъ, гдѣ торопливо шла нагрузка барокъ; тысячи четыре бурлаковъ, какъ живой муравейникъ, облѣпили все кругомъ, и въ воздухѣ висѣлъ глухой гулъ человеческихъ голосовъ, рѣзкій лязгъ нагружаемаго желѣза, удары топора, рубившаго дерево, визгъ пилъ и глухое постукиванье рабочихъ, конопатившихъ уже готовые барки, точно тысячи дятловъ дол-

били сырое, крѣпкое дерево. И надъ всей этой картиной широкой волной катилась безшабашная бурлацкая «Дубинушка», съ самыми нецензурными запѣвами. Не успѣвалъ замереть въ одномъ мѣстѣ дружный окрикъ работавшихъ бурлаковъ, какъ сейчасъ же съ новой силой вставалъ въ другомъ. Могучій валъ самой пестрой смѣси звуковъ гулкимъ эхомъ отдавался на противоположномъ берегу и, какъ пѣнистая волна внешней поллой воды, тянулся далеко внизъ по рѣкѣ, точно рокотъ живого человѣческаго моря. Эта картина кипучей дѣятельности тысячъ людей представляла неизмѣримый контрастъ съ тѣмъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, какимъ покоится пристань Каменка цѣлый годъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль весенняго сплава. Еще день или два, рѣка взломаетъ ледъ, и вмѣстѣ съ водой уплыветъ вся эта бѣшенная работа, неистовый шумъ и крикъ, и опять все будетъ тихо и мертво кругомъ, вплоть до будущей весны.

— Съ весной, голубчикъ! Съ весной поздравляю! — кричалъ хриплымъ голосомъ хозяинъ моей квартиры, врываясь въ комнату въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ короткомъ ваточномъ пиджакѣ.

— А скоро рѣка тронется, Осипъ Ивановичъ?

— Э, голубчикъ, чего вы захотѣли... Да послушайте, милый человѣкъ, вы, кажется, еще не проснулись порядкомъ: это безсовѣстно!.. Слышите: безсовѣстно... Я съ четырехъ часовъ утра колочусь, какъ каторжный, а вы тутъ прохлаждаетесь. Вы посмотрите хоть на нашу пристань — вѣдь это цѣлый адъ, пекло какое-то... Охъ, подлецы, подлецы!..

— Кто это провинился такъ?

— Какъ кто? А бурлаки! Вѣдь ихъ четыре тысячи, анаоёмъ, а у меня горло одно... Понимаете: одно! Сразу охрипъ... Охъ, моченьки моей не стало съ этими мошенниками!..

Осипъ Ивановичъ энергично вытеръ свое вспотѣвшее румяное лицо бумажнымъ платкомъ, поправилъ спутавшіеся на головѣ рѣдкіе русые кудри, закрывавшіе на макушкѣ порядочную лысину, и залпомъ опрокинулъ двѣ рюмки водки изъ графина, который стоялъ на угловомъ столикѣ. Приземистая, широкоплечая фигура Осипа Ивановича, съ краснымъ затылкомъ и высокой грудью, служила какъ бы олицетвореніемъ преисполнявшей его энергіи; выкатившіеся каріе глаза съ опухшими, красноватыми вѣками смотрѣли блуждающимъ, усталымъ взглядомъ, какъ у человѣка, который только что сейчасть вырвался изъ жестокой свалки. Русая борода и большіе усы носили слѣды самаго безцеремоннаго обхожденія: Осипъ Ивановичъ, когда начиналъ сердиться, немилосердно ерошилъ свою бороду и грызъ усы, а такъ какъ разсердиться ему рѣшительно ничего не стоило, то бородѣ и усамъ доставалось порядкомъ.

— Охъ, подлецы! — ворчалъ Осипъ Ивановичъ сквозь зубы, съ ожесточеніемъ прожевывая сухую корочку хлѣба.— Аспиды!..

— Да чѣмъ они васъ такъ обидѣли, Осипъ Ивановичъ?

— Какъ чѣмъ?.. Сегодня какой день... А?—грозно приступилъ онъ ко мнѣ, размахивая руками.— Какой день?

— Кажется, двадцать третье апрѣля...

— Вотъ то-то и есть: «кажется»... Вы бы въ моей кожѣ посидѣли, тогда на носу себѣ зарубили бы этотъ денекъ... двадцать третьяго апрѣля—Егорія вешняго—поняли? Только лѣнивая соха въ поле не выѣзжаетъ послѣ Егорія... Ну, обыкновенно сплавъ затянулся, а пришелъ Егорій — все мужичье и взбеленилось: подай имъ сплавъ, хоть роди. Давеча такъ меня обступили, такъ съ ножомъ къ горлу и лѣзутъ... А я развѣ виноватъ, что весна выпала нынче поздняя?..

Наругавшись всласть и пропустивъ еще двѣ рюмки, Осипъ Иванычъ совсѣмъ другимъ тономъ проговорилъ:

— Пойдемте со мной, посмотрите, какъ мы въ смолѣ кипимъ. Сначала надо завернуть въ кабакъ...

— Зачѣмъ?

— Народъ гнать на работу. Только отвернись — сейчасъ въ кабакъ... Я вамъ говорю: разбойники и протоканалы! А всѣхъ хуже наши каменскіе... Заберутъ задатки — и въ кабакъ, а тамъ какъ хочешь и выворачивайся, хоть самъ сталкивай барки въ воду да грузи!..

Въ передней мы натолкнулись на мужика въ разорванной красной рубахѣ; одной рукой онъ держался за стѣну, стараясь сохранить равновѣсіе. По красному лицу и блуждающему взгляду мутныхъ глазъ можно было принять этого мужика за трудно-больного, если бы отъ него не отдавало на цѣлую версту специфическимъ ароматомъ перегорѣлой водки.

— Это ты, Савоська? — окликнулъ мужика Осипъ Иванычъ.

— А то какъ же... я... я!..

— Чего тебѣ надо?

Мужикъ только что раскрылъ ротъ для необходимыхъ объясненій, какъ Осипъ Ивановичъ уже обрушился на него съ необыкновеннымъ азартомъ:

— Да ты гдѣ, каналья, шары-то *) налилъ... А?!.. Съ какой радости... А?!.. Люди работаютъ, надрываются, а онъ...

— Осипъ Ивановичъ... дай опохмелиться!

— Чего?

— Опохмел...

— Вотъ тебѣ опохмелиться, а вотъ закусить!— крикнулъ Осипъ Ивановичъ, схватывая Савоську за воротъ и ловкимъ подзатыльникомъ выталкивая за дверь.

Мужикъ только загремѣлъ ногами по лѣстницѣ и кубаремъ выкатился на улицу, къ удивленію толпившагося около дома народа.

— Гли, робя: Савоську опохмелили!—слышался изъ толпы чей-то веселый голосъ.—Ай да Осипъ Ивановичъ! уважилъ! Хорошій стаканчикъ поднести!

— Видѣли?—спрашивалъ Осипъ Ивановичъ съ улыбкой.

— Да...

— А между тѣмъ, этотъ Савоська одинъ изъ лучшихъ сплавщиковъ у насъ... Золото, а не мужикъ. Только вотъ проклятая зараза: какъ работа, такъ онъ безъ заднихъ ногъ. Чистая бѣда съ этими мерзавцами!

Когда мы вышли на улицу, Савоська писалъ мыслете по самой серединѣ улицы, сдвинувъ свою рваную шляпенку на одно ухо. Это былъ краси-

*) „Шары“—глаза.

вый мужикъ лѣтъ сорока, съ широкимъ, борода-
тымъ лицомъ и русыми кудрями, которые лѣзли
изъ-подъ шляпки во всѣ стороны шелковыми
кольцами. Онъ пробовалъ было затянуть пѣсню,
но выходило какое-то дикое мычанье, и Савоська
принялся ругаться въ пространство, неровно взма-
хивая руками. Оглянувшись, онъ замѣтилъ Осипа
Иваныча, остановился, подперъ руки фертонъ и,
пошатываясь, закричалъ:

— А я тебѣ... покажу, Оська! Подвяжу куфтой
хвостъ-отъ... Вѣрно!..

— Ты у меня еще поразговаривай!—закричалъ
Осипъ Иванычъ.

— А мнѣ плевать на тебя... Слышалъ?.. Плев...

Осипъ Иванычъ ринулся впередъ, но Савоська
уже летѣлъ далеко впереди на всѣхъ рысяхъ,
потерявъ свою шляпу.

— Прямо въ кабакъ, шельмецъ, задулъ!—ру-
гался Осипъ Иванычъ, подбирая Савоськину
шляпу.

II.

Осипъ Иванычъ служилъ на пристани при-
казчикомъ. Это былъ русскій человѣкъ въ полномъ
смыслѣ слова: безхарактерный, добрый, вспыль-
чивый. Онъ обладалъ счастливой способностью
съ совершенно спокойной совѣстью ничего не
дѣлать по цѣлымъ мѣсяцамъ и просто лѣзъ на
стѣну, когда наваливалась работа. Во время сплава
онъ, собственно, былъ золотой человѣкъ, потому
что лѣзъ изъ кожи въ интересахъ транспортнаго
общества «Нептунъ», которое отправляло металлы

съ Каменки, но, какъ часто бываетъ съ такими людьми, отъ его работы выходило довольно мало толку. Осипъ Иванычъ безъ всякаго пути разносилъ въ щепы совершенно невинныхъ людей, также безъ пути снисходилъ къ отъявленнымъ плутамъ и завзятымъ мошенникамъ и, въ концѣ-концовъ, былъ глубоко убѣжденъ, что безъ него на пристани хотъ пропадай.

— Я ихъ всѣхъ насквозь вижу, разбойниковъ, — увѣрялъ онъ, когда мы шли по широкой улицѣ къ кабаку. — Это варначье только меня и боится; у меня разговоръ короткій: разъ-два и къ чорррту!! Они меня знаютъ! Да вонъ посмотрите, какъ зашевелились у кабака: завидѣли грозу... Ха-ха!

Мы шли сначала по берегу Чусовой, миновали часовню, чей-то высокій деревянный домъ съ зеленой желѣзной крышей и завернули за уголъ. Попадавшіяся на пути избы производили хорошее впечатлѣніе своими толстыми бревнами, крѣпкими воротами, крытыми наглухо, по-раскольничьи, дворами и бѣлыми кирпичными трубами; извѣстное довольство сказывалось во всемъ, начиная съ тесовыхъ крѣпкихъ крышъ и кончая стекольчатými окошками и расписными ставнями. На берегу и около домовъ — вездѣ попадались кучки бурлаковъ, съ котомками и безъ котомокъ, въ рваныхъ полушубкахъ, въ заплатанныхъ азиямахъ и просто въ лохмотьяхъ, составъ которыхъ можно опредѣлить только химическимъ путемъ, а не при помощи глаза.

— Иншъ, молодцы, только что явились на сплавъ! — ругался Осипъ Иванычъ, когда попадались бурлаки съ котомками. — Ужо я вамъ покажу кузькину мать!..

— А что же вы имъ сдѣлаете?

— Я?!.. У насъ, голубчикъ, все это оформлено: просрочилъ явку на пристань—штрафъ; не явился на спилку барокъ—штрафъ; не пришелъ на на-грузку—штрафъ...

Дорогу намъ загородила артель бурлаковъ съ котомками. Палки въ рукахъ и грязные лапти свидѣтельствовали о дальней дорогѣ. Это былъ какой-то совсѣмъ сѣрый народъ, съ испытymi лицами, понурымъ взглядомъ и неуклюжими, тяжелыми движеніями. Видно, что пришли издалека, обносились и отощали въ дорогѣ. Впередъ выдѣлился сгорбленный, сѣдой старикъ и, снявъ съ головы что-то въ родѣ вороньяго гнѣзда, нерѣшительно и умоляюще заговорилъ:

— Осипъ Ивановичъ! мы ужъ къ твоей милости...

— Откуда вы?

— Вятскіе мы, родимой мой, вятскіе...

— Ты не въ первый разъ на сплавъ пришелъ?

— Нѣтъ, не въ первой. . Разъ съ двадцать, можетъ, ужъ сплылъ.

— Ну, такъ чего тебѣ отъ меня нужно?

— Да вотъ запоздали мы, Осипъ Ивановичъ... Грѣхъ такой вышелъ; непогодье насъ захватило, а дорога дальняя.

— Знать не хочу... вздоръ!.. Что у тебя въ контрактѣ сказано... А?..—заоралъ Осипъ Ивановичъ, выкатывая глаза.—Я, что ли, буду сталкивать да грузить барки за васъ?.. Задатки любите получать... А?!

— Да вѣдь задатки въ волость пошли, за подушное...—какъ-то равнодушно оправдывался старикъ, совсѣмъ подавленный величіемъ обступившихъ его нуждъ.—Подушное, Осипъ...

— А мнѣ плевать на ваше подушное! Знать не хочу!!! Просрочилъ трое сутокъ—за трое сутокъ и штрафъ по контракту...

— Осипъ Ивановичъ, родимой! мы вѣдь тысячу верстъ съ залишкомъ брели сюды... изморились! А тутъ ростепель захватила...

— Вздорь!.. Я не Богъ... понимаешь? Я не Богъ...

Старикъ только махнулъ рукой и пожевалъ сухими синими губами. Артель стояла какъ вкопанная; на извѣтрившихся лицахъ трудно было прочитать произведенное этой сценой впечатлѣніе. Старикъ, перебирая въ рукахъ свое воронье гнѣздо, что-то хотѣлъ еще сказать, но Осипъ Ивановичъ уже бѣжалъ къ кабаку и съ непечатной руганью врѣзался въ толпу. Около кабака народъ стоялъ стѣной; звуки гармоник и треньканье балалаекъ перемеживались съ пьянымъ говоромъ, топотомъ отчаянной пляски и дикой пьяной пѣсней, въ которой ничего не разберешь. Эта толпа глухо колыхнулась и загудѣла, когда Осипъ Ивановичъ ворвался въ самый центръ и съ неистовымъ крикомъ принялся разгонять народъ.

— Аспиды! разбойники! мошенники!!—ревѣлъ Осипъ Ивановичъ, какъ сумасшедшій, не зная, на кого броситься; по пути онъ сыналъ подзатыльниками и затрещинами.

Савоська выглянулъ изъ-за косяка кабацкой двери и быстро спрятался; на его мѣстѣ показалась согнутая фигура заводскаго мастерового съ запеченнымъ лицомъ и слезившимися глазами.

— Осипъ Ивановичъ! ты неправильно насъ обиждаешь,—заговорилъ онъ, когда Осипъ Ивановичъ протолкался сквозь густую толпу до самыхъ две-